

Конец эпохи после холодной войны

Европа могла бы вести в отношении России политику благотворного невмешательства, рекомендует президент Ильвес.

В последние пять лет мы были свидетелями кульминации долгого процесса, который начался крушением авторитарно-тоталитарного коммунизма в Центральной и Восточной Европе и в России. Этот процесс повлек за собой вступление стран, уже с первой попытки сумевших перейти к демократии, в две важнейшие организации западных либеральных государств – НАТО и Европейского Союза. Если мы ограничим поле зрения десятью посткоммунистическими странами, входящими сейчас в эти организации, конец истории по Фрэнсису Фукуяме действительно наступил. Но если мы взглянем за пределы Европы, на Россию и те государства, которые не закончили свой марш на Запад, – а именно, Украину, Молдову и Грузию – история бурлит по-прежнему. Причем на наших глазах.

Если мы задумаемся над этим, то после рубежа столетий фактически рухнула мечта Фукуямы, или – немного точнее – неогегельянская мечта о неизбежном движении в сторону либеральной демократии. Такие события, как революция роз и оранжевая революция, местами подпитывали эту веру, но, к сожалению, следует констатировать, что крушение коммунизма в 1989–1991 годах принесло либеральной демократии слишком крошечный урожай. Государства, уверенно пребывающие 18 лет спустя в стане демократов, образуют очевидное меньшинство среди тех, кто освободился почти два десятилетия назад.

Вместо этого мы видим, что и там, и тут предпочтение отдается другому пути – авторитарному, зачастую меркантильному капитализму. Если бы эти государства были просто бедными и ими правили эгоистичные авторитарные правители, нас бы это,

пожалуй, так не беспокоило. Мы просто могли бы подождать, когда придет час их заката, как в Грузии четыре года назад, когда народ сказал: «Довольно».

Однако у Грузии нет ни нефти, ни газа. Щедро наделенный природными ископаемыми авторитарный капитализм, а я имею в виду нефтяные страны, в которых действует одновременно продажная и эффективная тайная полиция и где на журналистов надет намордник, сумел проявить себя вполне жизнеспособной альтернативой.

«Россия вернулась», звучит сегодня из Москвы кичливый лозунг. К сожалению, российский народ заслуживает того, чтобы идти вперед, в XXI век. Мы можем испытывать радость по поводу того, что Россия вышла из экономического спада 1990-х годов, но во многих смыслах возвращением является именно то, из-за чего так неприятна была холодная война: воинственное поведение, устрашение соседей, политическая и экономическая поддержка одиозных режимов, блокирование наших, то есть, затрагивающих европейскую безопасность, инициатив, что недавно проявилось в отношении Косово. Нас (по крайней мере, некоторых из нас) тревожит поспание норм либерального общества: отсутствие правового государства, самоуправные судебные решения, затыкание рта средствам массовой информации, особенно электронным, возобновившееся злоупотребление психиатрией, подавление оппозиции. *Plus ça change, plus c' est la même chose* («чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему»), сказал бы пессимист.

Естественно, исчез нежизнеспособный идеологический багаж коммунизма. Но оставление за бортом нежизнеспособной технологии не означает еще либерализацию и демократизацию. Мы очень хорошо знаем, что некоммунистические режимы могут вести себя столь же непристойно. Я не хочу приводить здесь многочисленные примеры, но подытожить можно следующим образом.

Сегодняшняя Россия не стремится более стать частью либерального Запада, а пытается идти собственным путем «управляемой демократии», в основе которого – ее традиции правления. Она полагает этот путь образцом для других и считает угрозой либерально-демократическое правление в бывших коммунистических странах, особенно в тех, которые находятся у ее границ. И ведет себя исходя из этого восприятия. Пересматривающая, даже «воскрешающая» свое прошлое страна, становящаяся сегодня всё более националистической и шовинистической, вследствие небывалого роста цен на энергию может финансировать поведение, которое, на наш общий взгляд, уже давно выброшено на свалку истории, как и сам коммунизм.

Мы, либерально-демократический Запад, должны что-то предпринять в отношении этих перемен. Политика, в 1997 году, казалось, обнадеживающая, в отношении нефтяной *Realpolitik* 2007 года убого безнадежна. Говоря об этих переменах, мы должны твердо усвоить три момента.

Во-первых, мы должны преодолеть собственное высокомерное убеждение, будто мы способны каким-то образом самоуправно изменить Россию, направить ее к демократии. Мы здесь, на Западе, не влияем сколько-нибудь значительно на внутреннюю политику России ни через ЕС или НАТО, ни по двусторонним каналам. В эпоху Ельцина, возможно, и царило общее желание слиться с Западом. Этот исторический «миг», длившийся от конца эпохи Горбачева до конца эпохи Ельцина, уже позади. Он померк еще до того, как внезапно начали расти цены на энергию. Он исчез, быть может, даже на десятилетия.

Во-вторых, вернулась великодержавная политика. Вечный мир по Канту, на наступление которого мы надеялись после падения Берлинской стены, – такая же великая иллюзия, каковой он был во время холодной войны. Мы видим, как по различным причинам, некоторые из которых – весьма невротического свойства, нам хотят навязать свою волю только из-за того, что ее хотят навязать. «Уважение» к России, которого добиваются запугиванием других, иногда и военными средствами, как мы дважды видели этим летом в Грузии, полетами бомбардировщиков дальнего действия, угрозами вновь нацелить ракеты на Европу – всё это должно заставить нас серьезно задуматься.

Это не уважение, которое оказывают странам, достигшим определенных результатов в своем творческом развитии. Это «уважение», которого требуют угрозой переориентировать ядерные боеголовки. «Величие», «слава», «державность» как *sine qua non*

(непременные условия) государственности и государственной самобытности столь же чужды либеральной демократии, как и девятнадцатый век, из которого эти понятия родом. И тем не менее именно с этими категориями должна считаться дипломатия любого европейского государства, когда дело касается России.

В-третьих, изменился и сам Запад. Манихейское* противостояние холодной войны облачило политиков и политику в нравственный корсет. Теперь нравственная и политическая ясность эпохи холодной войны рассеялась. Сегодня можно публично и бесстыдно покупать людей, что было немыслимо во времена холодной войны – во всяком

случае на уровне глав правительств и политиков высокого ранга. Но сегодня миллиарды нефтедолларов, производимые принадлежащими государству «Газпромом» и «Роснефтью», просто представляют кое для кого слишком большой соблазн.

Во время холодной войны мы говорили бы об этом как о государственном предательстве, сегодня это – всего лишь золотой телец, предлагающий весьма хороший шанс заработать вполне солидные деньги по оставлению государственной службы. Короче говоря, гигантские суммы для возможного подкупа западных политиков и исчезновение идеологического раздела холодной войны означают, что мы не можем больше предполагать, по крайней мере, определенного политического единства в поступках европейских руководителей.

Говоря, что эти вещи должны заставить нас задуматься, я размышляю очень серьезно, это не просто фраза. Мы должны понять, что европейская безопасность в широком смысле столкнулась с новой проблемой, мы должны задуматься, как действовать дальше. Европа нуждается в новом «консенсусе по России», которого, разумеется, в момент не достичь. Мой совет-минимум – НАТО и Европейский Союз должны взять время на раздумье, по крайней мере, до конца нынешнего избирательного цикла в России. Чтобы задуматься над тем, в какой мере мы сможем быть едины и единокорны, стоя лицом к лицу с нефтедолларами, конкурентной борьбой за энергопоставки, разной степенью уязвимости государств.

Российский народ имеет право сам выбрать свой путь развития, и мы все, конечно, желаем успехов России. Она сама должна разобраться в себе. И если опять начались разговоры о возможной новой холодной войне, то, очевидно, что никто на Западе ее не желает. Поэтому, взяв время на раздумье, чтобы избежать нежелательных и ненужных споров перед президентскими выборами, нам нужна в отношении России политика благотворного невмешательства.

Я совершенно осознанно использую это выражение. Его автор – ушедший из жизни американский сенатор и ученый Даниэл П. Мойнихан, употребивший его в 1966 году в совсем других обстоятельствах, а именно, говоря о расовых взаимоотношениях в США, характеризовавшихся похожей раздутой и полной ненависти риторикой, насилием и недоверием. В американском контексте слова Мойнихана толковали (зачастую намеренно) как призыв к прекращению федеральных программ помощи, хотя сам Мойнихан говорил о необходимости относиться с благотворным невмешательством именно к риторике, чтобы таким образом предотвратить ненужную аккумуляцию напряжения. В контексте отношений Запада и России благотворное невмешательство

означает, что мы не замечаем российскую риторику, дискриминацию оппозиционных группировок, государственный контроль над СМИ, до только до тех пор, пока это поведение не выходит за границы страны или не нарушает конвенцию о правах человека. Это означает умеренное благотворное невмешательство по определенным правилам.

Вот некоторые из них.

Западу не стоит роптать по поводу отсутствия западной демократии в России. Этим мы ничего не изменим. Нам не следует лелеять надежду о том, что вдруг наступит свобода прессы или состоятся свободные и честные выборы. Зачем же об этом беспокоиться? Мы общаемся со многими авторитарными, в нашем понимании, режимами, не особо пеняя им на недостатки. Мы можем так же вести себя с Россией, тем более зная, что от наших роптаний особого толку нет. При этом, мы всё же не должны отступать от успехов, достигнутых со времен заключения Хельсинкского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, когда Советский Союз признал универсальность прав человека. Это означает, что Европа обязана выразить протест, если человека помещают в психиатрическую больницу по политическим мотивам, как это часто случалось в Советском Союзе и как случилось этим летом в России.

Во-вторых, мы, в том числе и Эстония, должны установить мораторий на реакции в отношении исходящей из Москвы всё ужесточающейся риторики. По определенным причинам успех либерально-демократических изменений в Эстонии, Латвии, Литве и Польше особенно болезненно переживают в России, поэтому в отношениях с этими странами она нелепым образом перешла на риторику 1950-х годов. Мы же, со своей стороны, вполне способны не отвечать на лицедейство в духе Оруэлла, хотя внутренне, возможно, будет тяжело, если нас начнут обвинять на неспособность реагировать на клевету. Однако признак зрелости как человека, так и государства – быть выше вульгарных нападок, не реагировать на выпады ниже своего достоинства.

А это, в свою очередь, требует третьего элемента: твердой позиции Европы, что у таких стран, как Россия, нет права вмешиваться в действия и способы действий стран-членов Европейского Союза. Если мы встречаем внутреннюю политику авторитарного государства молчанием, то еще меньше оснований обсуждать с таким государством действия демократических европейских стран. Это воистину пробный камень союза. Сумеют ли его члены противостоять особым предложениям в сфере энергетики, выхода на рынок или просто вульгарным подношениям лидерам?

Государства ЕС должны всерьез заняться этим вопросом. В любом случае Европа должна досконально продумать «стратегическое партнерство» с Россией. Если ее президент угрожает направить ядерные ракеты на Европу, как это случилось нынешней весной, о каком «стратегическом партнерстве» мы можем говорить? Нет смысла строить внешнюю политику Европейского Союза на иллюзиях.

Вдобавок сфера интересов западной либерально-демократической общественности не заканчивается на границах ЕС и НАТО. Мы должны, именно должны поддерживать и помогать тем едва пробудившимся, но действительно демократическим государствам, которые страдают от авторитарных нападков России или других авторитарных стран. Две независимые исследовательские группы экспертов из стран ЕС и НАТО пришли к выводу, что Россия вторглась в воздушное пространство Грузии и выпустила ракету. Молчание страны-председателя ЕС в отношении нападков на Грузию неприемлемо. Сваливать ответственность на ОБСЕ, при том, что всем известно, что эта организация, в которой Россия обладает правом вето, не способна на реакцию, несправедливо этически и противоречит фундаментальным принципам Европейского Союза.

Европейский Союз должен не оставлять без внимания притеснения и угрозы в адрес этих стран и разработать способ эффективного и объективного отслеживания, оценки и реакции на такое поведение. У Европейского Союза должны быть постоянные действующие механизмы, которые позволяли бы адекватно реагировать на инциденты, угрожающие безопасности поблизости от него, где бы они ни происходили. Конкретное предложение – по образцу групп гражданской помощи (CRT) создать в ЕС группу по исследованию военных вопросов и вопросов безопасности. Тогда мы уже не сможем прятаться в тень таких ситуаций – «хвост распушен, а рот на замке» – когда происшествия расследуют только отдельные страны, а на уровне ЕС не предпринимаются никакие шаги. К сожалению, такие поступки и инциденты входят в рамки политики России в отношении соседей – взять хотя бы появившееся на следующий день после выборов на Украине сообщение о том, что «Газпром» (вновь) повышает цену на газ.

Государствам наподобие Украины и Грузии, сумевшим сделать выбор в пользу демократии, мы должны послать четкий сигнал, что наша политическая поддержка на их стороне. Еще важнее – чтобы прекратить нынешний паралич ЕС и НАТО, мы должны освободиться от заблуждения, что шаги в поддержку демократии в этих странах автоматически откроют им заднюю дверь для вступления в эти организации еще до того, как они фактически будут готовы к этому. Пока расширение, по сути дела, отложено в долгий ящик, ЕС, вместо того чтобы беспокоиться о «задней двери», должен

тщательно пересмотреть, что он может сделать для блага этих государств – и это должно быть нечто гораздо большее, чем держащий дистанцию подход *laissez faire*, характеризующий нынешнюю политику ЕС в отношении соседей. Например, мы должны проанализировать, в какой мере мы можем предложить этим странам четыре свободы ЕС: свободное передвижение товаров, капиталов, услуг и людей. Хотя эти шаги не дают членского статуса или даже права голоса в ЕС, они могли бы весьма эффективно содействовать приобщению действительно демократических стран к Европе. И от этого больше всего выиграет она сама.

Пожалуй, важнее всего – необходимость понять, что наши высокомерные размышления, будто мы сумеем изменить Россию, могут привести к опасным последствиям. Мы забыли суровые уроки, преподанные Западу в общении с Советским Союзом, и освоили стратегию, которая просто не работает в отношении государства, ведущую дипломатию в советском стиле для достижения былого величия. Типичный пример – упрощение визового режима. Мы дали эту привилегию России, тогда как настоящие страны-кандидаты, например, Македония, или даже партнеры по переговорам, как Турция, до сих пор не удостоились такой чести. Еще хуже то, что Россия вовсе не торопится в полном объеме выполнять заключенное с ЕС соглашение о реадмиссии или заключать соответствующие двусторонние протоколы со всеми странами-членами ЕС. Россия не сделала более человечным требование регистрации граждан ЕС, прибывающих в страну. Чего же можно достичь такой политикой?

По всем этим причинам нам следует взять тайм-аут. По крайней мере, до тех пор, пока не осядет пыль, которую неизбежно поднимут выборы, НАТО и ЕС должны с благотворным невмешательством относиться к внутренним событиям в России и сосредоточить свои силы на разработку новой, послевыборной стратегии. Уже по своей сути политика благотворного невмешательства не принесет прорыва – а в определенной степени и заморозит отношения. Воистину, Европа вообще должна избавиться от простодушной веры в возможность прорывов, поскольку, как видно из примера с упрощением визового режима и реадмиссией, достигнутый на бумаге прорыв никак не переносится в действительность. Прорывом не является и акцепт фланговых ограничений Договора об обычных вооружениях после угрозы выйти из этого договора. Прорывом не является и то, что восемь лет спустя саммита ОБСЕ в Стамбуле так еще ничего и не предпринято для вывода войск из Молдовы.

В этот период благотворного невмешательства мы должны активно поразмышлять над тем, как защитить страны-члены ЕС и наши неопределимые демократические достижения, путем огромных усилий завоеванные нами за последние полтора десятка лет. Европейцы должны сами и на свой лад строить свое будущее. Мы вновь повернемся к России, когда будем знать, что мы делаем, или когда Россия выкажет желание вести

себя так, чтобы у нас не было оснований говорить о новой холодной войне. В любом случае это ознаменовало бы начало новой эпохи.

** Манихейский (англ. Manichean) – термин, указывающий на дуалистичность. Это слово происходит от имени пророка Мани, жившего примерно в 210–276 гг. в Вавилонии, которая была тогда частью Персии, и основавшего одно из наиболее влиятельных дуалистических религиозных учений.*

Перевод с английского Марека Лаане.

В основе статьи лежит речь на конференции по безопасности Фонда Ярла Хьялмарсона, состоявшейся в сентябре в Висбю.

Ссылка на оригинал статьи на сайте журнала Diplomaatia: www.diplomaatia.ee